

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются особенности интерпретации категории сексуальности в западной и отечественной постмодерной культурной ситуации.

Ключевые слова: сексуальность, власть, категория пола, дискурс, женская сексуальность, «Другой», гетеросексуальность, женственность, язык.

В статті розглядаються особливості інтерпретації категорії сексуальності в західній та вітчизняній постмодерній культурній ситуації.

Ключові слова: сексуальність, влада, категорія статі, дискурс, жіноча сексуальність, «Інший», гетеросексуальність, жіночність, мова.

The article deals with the peculiarities of the interpretation of the category of sexuality in the Western and Ukrainian postmodern cultural situation.

Key words: sexuality, power, category of sex, discourse, female sexuality, «the Other», heterosexuality, femininity, language.

Ученые указывают, что, рассматривая вопросы, связанные с определением и интерпретацией категории сексуальности, следует преодолеть как внутреннее, так и внешнее сопротивление, поскольку в современных политических, социальных и культурных условиях до сих пор с определенной долей опасения относятся к работам, посвященным детальному анализу различного рода сексуальных отношений и сексуальности [1, с. 367]. На попытки определения философами сексуальности всегда оказывали влияние различного рода предубеждения и табу, господствующие в культуре. Именно поэтому, М. Фуко, выдвинувший свою «Историю сексуальности», вызвал конфронтацию с уже устоявшимися, принятыми и привычными традициями в изучении данного вопроса [2]. Совершенно очевидно, что дать универсальное определение

сексуальности очень сложно, поскольку в философских работах, посвященных данной проблеме, каждый из авторов пытается по-своему обозначить сексуальность, включив в дефиницию свои видения и концепции. Например, в гендерных исследованиях неизменно поддерживается значимость сексуальности при анализе социального неравенства женщин. Следует отметить, что, несмотря на постоянно возрастающее количество работ, посвященных сексуальности в различных сферах социальной и культурной жизни, классическая философская мысль довольно сдержанно относится к поставленному вопросу, что, по мнению Жаклин Зита, «есть, возможно, остатком традиционного презрения философии к телу и его непристойным сексуальным функциям» [1, с. 367]. Подчеркивая, что основное феминистское переосмысление концепции сексуальности происходило, главным образом, вне академической философии, Ж. Зита отмечает последовательную взаимозависимость работ феминистской направленности с работами, не попавшими под влияние строгой академической морали, выделяя при этом общую задачу вышеобозначенных работ, а именно, «пересмотреть сексуальность и сделать понятным ее связь с женскими переживаниями и с общественными институциями и обычаями, которые вызывают женское угнетение» [Ibid, с. 368].

В феминистских работах 70-х годов сексуальность носила скорее политический, чем личностный характер, выступая как свидетельство угнетения женщин и кризиса женской идентичности, о чем ярко свидетельствуют работы таких философов-феминисток, как Сандра Ли Бартки, Кэтрин Маккинон, Наоми Шеман, которые, поднимая вопрос о репрезентации женской сексуальности, все же не решались придать этой проблеме общефилософский характер. Академическая философия расценивала попытки феминисток дать в своих работах концептуальное объяснение сексуальности как революционные, подрывающие основы самой философии. Многочисленные споры о сексуальности как репрезентации понятий жертвы и насилия в 1980-х годах способствовали формированию гендерного подхода к

пересмотру многих традиционных философских понятий, в частности, понятий индивидуальности, уважения, сексуальной объективации, а также смене языковых и ценностных парадигм, взглядов на основополагающие понятия человеческого бытия, что, безусловно, отражало за собой изменения в социально-политической действительности.

С другой стороны, эта проблема волновала не только феминистов. Исследователи начинают пользоваться таким термином, как «сексуальное диссидентство», рассматривая различные маргинальные проявления сексуальности как социальное явление, имея в виду «трансгрессивные переименования» - геев, транссексуалов и т.д. [3].

Говоря о гендерном подходе к попытке переосмысления основополагающих философских понятий, нельзя не упомянуть об изменении интерпретации категории «женщина» как такой, которая как полагают некоторые ученые, не отображает в полной мере все существующие этнические, расовые, классовые и другие отличия. Подобное изменение стало причиной того, что понятие «сексуальность» («женская сексуальность», в частности) стало категорией социального характера, синонимом разнообразия, неоднородности и даже определенного рода политических факторов. Сексуальность рассматривается, таким образом, не только и не столько как угнетение женщин, а как всеобщая категория сексуального ущемления [1, с. 374].

Влияние Мишеля Фуко на становление категории «сексуальность» нельзя переоценить. Концептуальная модель сексуальности Фуко представляет данную категорию как эпистемологическую, созданную властью и ее многочисленными институтами.

В своей работе «История сексуальности» Фуко предостерегает против использования категории пола как «вымышленного единства ...и каузального принципа» и доказывает, что подобная нереальная, воображаемая категория пола облегчает изменение каузальных отношений таким образом, что «пол» понимается как то, что формирует структуру и суть желания. Согласно Фуко, тело обретает свою значимость только в контексте отношений власти.

Сексуальность есть не что иное, как исторически сложившаяся особая организация власти, дискурса, тел и желаний. Поэтому Фуко рассматривает сексуальность как необходимый компонент для «пола» как искусственной концепции, которая эффективно раздвигает и маскирует границы отношений власти, ответственных за ее генезис. Для Фуко сексуальность «насыщена» властью, философ подвергает острой критике те теории, которые рассматривают сексуальность как категорию, существовавшую до или же существующую после закона [2, р. 154]. В тоже время, по мнению Джудит Батлер, теория Фуко отстаивает некий непризнанный эмансипированный идеал, которого чрезвычайно сложно достичь [4, р. 92].

Предлагаемая Фуко теория сексуальности в его работе «История сексуальности, Том 1» в некоторой степени вступает в противоречие с написанным философом коротким, но представляющим огромную важность введением к «Дневникам Геркуля Барбэна, французского гермафродита XIX столетия». В своем введении к английскому переводу дневника Фуко поднимает вопрос о целесообразности определения понятия истинного пола. На первый взгляд, поставленный вопрос неразрывно связан с попытками определения категории пола, предпринятыми Фуко в «Истории сексуальности». Однако, несмотря на утверждение философа о том, что сексуальность сосуществует в пространственном и временном отношении с властью, Фуко не признает явных отношений власти, которые как конструируют, так и являются источником порицания сексуальности гермафродита. Фуко романтизирует мир удовольствий Геркуля, определяя его как «счастливое состояние неидентичности», мир, стоящий вне категорий пола и идентичности [5].

Фуко не согласен с положениями о том, что конструкт пола, во-первых, вырабатывается в условиях социального регулирования и контроля над сексуальностью, во-вторых, скрывает и искусственно объединяет множество различных и несвязанных между собой сексуальных функций и, в-третьих, определяет себя в дискурсе как причину, некую внутреннюю сущность, которая как производит, так и наделяет всеми видами чувственности, удовольствия,

желания как присущими полу особенностями. В противовес определению пола как однозначного и причинного Фуко предлагает свое определение пола не как категории, присущей с рождения, а как следствие определенных социальных условий. Философ рассматривает сексуальность как открытую и сложную историческую систему дискурса и власти, которая неправильно истолковывает «пол» как часть стратегии, направленной на утаивание и, таким образом, увековечивание отношений власти. Подобное «консервирование» отношений власти происходит путем установления внешних отношений между властью в форме репрессий и доминирования и полом в форме смелой, но не идущей на компромиссы энергии, которая стремится к освобождению или к подлинному самовыражению. Отношения между властью и сексуальностью не только отличаются друг от друга онтологически, но, следует отметить, что одной из задач власти всегда было либо подчинить себе, либо освободить пол, который является более целостным, более самодостаточным, более «другим», чем сама власть. Когда пол рассматривается подобным образом, он уже не зависит от отношений власти, ее историчности. Следовательно, анализ сексуальности неизбежно сводится к анализу пола, в котором следует избегать множественных неверных истолкований причинно-следственных связей в интерпретации категории пола [2].

В «Истории сексуальности» Фуко выступает против эмансипаторских моделей сексуальности, поскольку они, по его мнению, соотносятся с моделями власти, которые в свою очередь не признают историчности категории пола. Здесь, как отмечает Дж. Батлер, возникают разногласия между Фуко и представителями феминизма. Философы-феминисты анализируют категорию пола, рассматривая бинарное ограничение гендера как отправную точку. Для Фуко главным является вопрос того, как категория пола и сексуальное различие конституируются в дискурсивной практике в качестве необходимых составляющих телесной идентичности. По Фуко, быть наделенным полом означает быть подчиненным определенному комплексу социальных регуляций, следовать закону, который регламентирует эти регуляции как в качестве

формирующего принципа пола, гендера, удовольствий, желаний, так и в качестве разъясняющего принципа самовыражения. Таким образом, категория пола является регулятивной, и любой анализ только лишь расширяет и все более закрепляет регулятивную стратегию как режим власти [4, р. 95-96]. Следует, однако, отметить противоречия, возникающие при чтении работ Фуко. С одной стороны, философ утверждает, что нет пола «самого по себе», который не был бы результатом сложного взаимодействия дискурса и власти; с другой стороны, действительно существует множество удовольствий «саких по себе», которые не являются следствием некоего особого обмена между дискурсом и властью. Фуко настаивает, что сексуальность всегда находится в пространстве власти, то есть, сексуальность, по мнению философа, создается в рамках особых исторических практик, и все попытки рассматривать сексуальность вне закона являются иллюзорным и приводящим к неверным выводам тщеславием различного рода эмансипированных сексуальных политик [2].

Говоря о переосмыслении категории сексуальности в современной украинской науке, следует отметить отказ от традиционной функции жертвы и акцент на репрезентации женской сексуальности. Как отмечает И. Жеребкина, ставится «очень важная гносеологическая задача – именование (в частности, ранее запретной собственной сексуальности) как познания (своей независимой женской субъективности)» [6, с. 161]. Жеребкина отмечает, что тема женской сексуальности в Украине напрямую переплетается с темой национального, в то же время, констатируя тот факт, что сексуальность рассматривается, прежде всего, как несчастливые, неравные и трагические женские «практики любви» [Ibid, с. 161].

Выделяя в современном украинском дискурсе процесс осознания норм и запретов сексуальности, а не ее освобождение, критики отмечают фукианский парадоксальный эффект именованя сексуальности, согласно которому, «практика именованя не освобождает сексуальность, а еще больше укрепляет дискурс власти в отношении сексуальности, когда сама структура сексуальности выступает как структура власти» [Ibid, с. 162].

Рассматривая желание в русле отличий, исследователи неизбежно выходят на проблему «Другого» («Иного», «Чужого»), связывая маргинального «Иного» с негативностью, злом и унижением, присущими пониманию «Иного» на всем протяжении истории. Ученые задают вопрос: «Не будет ли лучше заменить термин «половые отличия» термином «культурные отличия»? [3, с. 475-476] То есть сексуальность (в том числе и гомосексуальность) рассматривается не в терминах половых отличий, а культурных, что, безусловно, репрезентирует «новый смысл» (пользуясь выражением Ж. Деррида).

В концепте сексуальности есть и политическое значение: некоторые феминистские философы, А. Рич, например, саму гетеросексуальность провозглашает скорее политическим установлением, чем естественным выражением сексуального желания. Для таких феминисток отказ от гетеросексуальности – это не просто дело личной сексуальной ориентации, но политический акт, «идентификация женщины является источником энергии, потенциальным трамплином женской власти, насильственно урезанной и растрачиваемой в рамках института гетеросексуальности» [7, р. 657].

Представление о том, что сексуальность является наиболее важной проблемой для женщин и что решением этой проблемы является отрицание всей гетеросексуальной активности, подверглось резкой критике со стороны многих феминисток. Они подчеркивают, что сексуальность является средством контроля (для феминисток-патриархатного), с которым можно бороться непосредственно, но нельзя изолировать от других областей человеческого опыта.

Утверждение о том, что женщинам отказано в знании их собственной сексуальности, и они не выработали необходимого языка для ее выражения, связано с доводами постмодернистов о том, что знание и язык тоже являются сферами контроля и подавления. Идеи, обсуждаемые такими исследовательницами, как Ю. Кристева, Л. Иригарэ, М. Виттиг, Х. Сиксу, представляют собой способ мышления, основанный на женском опыте сексуального удовольствия, поскольку считается, что сексуальное удовольствие

женщины служит источником чистоты опыта и ощущений, которые не могут быть постигнуты в пределах мужского дискурса [8].

Между вышеназванными постмодернистами «французской школы» существуют сложные и глубокие разногласия по поводу сексуальности и женственности, например, они задают вопросы, есть ли истинная женственность, основанная на биологии, и только ли женщины могут в принципе выражать себя «женственными» способами. Последнее является еще одним подтверждением тому, что сексуальность в постмодернизме неизбежно выводит исследователя на проблему гомосексуальности.

Что касается современных феминистских философов, то, несмотря на теоретические разногласия их, несомненно, объединяет убеждение в необходимости дальнейших исследований отношений между языком, сексуальностью и властью.

Литература

1. Зита Ж. Сексуальність //Антологія феміністичної філософії. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2006. – с. 367-382.
2. Foucault M. The History of Sexuality, Volume I: An Introduction. – New York: Vintage, 1980. – **p. 154.**
3. Долімор Дж. Сексуальне дисиденство. – К.: Основи, 2004. – 558с.
4. Butler J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. – New York and London: Routledge, 1990. – 169 p.
5. Foucault M. Herculine Barbin, Being the Recently Discovered Memoirs of a Nineteenth Century Hermaphrodite. – New York: Colophon, 1980.
6. Жеребкина И. Гендерные 90-е или Фаллоса не существует. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256с.
7. Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs. – Vol.5, № 4, 1986. – p. 630-667.
8. Johnson J. Lesbian Nation: The Feminist Solution. – New York: Simon and Schuster, 1973. – 283p.